

Алексей ВАСИЛЕНКО

НЕМУЗЫКАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Одно время я удивлялся, почему улица Ильинская в Костроме была поименована именем Чайковского, ведь здесь нет ничего, что было бы связано с великим композитором или хотя бы имело отношение к музыке. Это вечная и давно уже привычная история. Когда переименовывают старые улицы, очень часто новое имя идёт улице, по русской поговорке, «как корове седло».

И только потом я понял, что в Костроме другой улицы (если она не новая), которая могла бы получить имя Петра Ильича, просто нет. И именно Ильинская улица, по своей причастности (не к музыке, нет, в этом смысле всё правильно) к русской культуре, должна была получить великое имя, потому что, пожалуй, ни на одной из улиц Костромы не приходится на единицу площади столько имён, событий и зданий, связанных с культурой, сколько здесь, на Ильинской.

Вот она, перед нами – поднимается на высоту центральной улицы (надеюсь, вы не очень удивлены: начинаем мы нашу прогулку с конца улицы, для этого есть причины, мы о них скажем позже). Справа – красивое здание, построенное выдающимся архитектором Фурсовым. А вот слева, по сути дела, ничего нет. Какая-то земляная насыпь, поросшая травой. По самому верху довольно длинная аллея идёт сквозь строй деревьев к вот этой красивой беседке, которая стоит на самом конце насыпи, слева от нас. Возле неё – группа туристов. Сопровождающий человек эмоционально рассказывает о том, что это любимая беседка великого русского драматурга Александра Николаевича Островского, куда он, часто бывая в Костроме, приходил вечерами, чтобы полюбоваться уникальным видом Волги. Более того, именно это место имел в виду Островский, когда писал свою Катерину в «Грозе», в финальных её сценах...

Когда услышите такие восторженные речи, то сразу же сделайте для себя вывод: перед вами не гид-профессионал, а человек, знающий что-то понаслышке. Дело в том, что в этих речах что ни слово, то полнейшая неправда. Никогда Островский не приходил в эту беседку, никогда не любовался отсюда Волгой, да и Катерина могла броситься с высоты насыпи разве что на проезжую часть улицы...

И всё же, и всё же... Какие-то зёрна правды в этом фантастическо-легендарном монологе есть. Начнём с самой вот этой насыпи. Это одно из оборонительных сооружений, пусть не самых древних, но всё же солидного возраста – начала XV века. Тогда возникла необходимость переноса костромской крепости, костромского кремля, со старого места на реке Суле, которое было выше по течению Волги. Решили строить здесь. И естественно, крепость была снабжена всем необходимым: высоченными дубовыми стенами, от которых отскакивали даже ядра, боевыми башнями, тяжеленными воротами. Окружено всё это было высокими земляными валами с крутыми склонами, на которые взобраться под обстрелом обороняющихся было не так-то просто. А вдобавок перед земляным валом был глубокий ров, который проходил как раз там, где проходит сейчас улица Чайковского. Так было до второй половины XVIII века, когда два огромных пожара подряд, в 1773 и 1779 годах, уничтожили все деревянные и многие каменные строения. Именно тогда началось воссоздание Костромского кремля, но уже не в качестве крепости (слово «кремль» и обозначает что-то кремнёвое, то есть именно крепкость, крепость), а в качестве религиозно-духовного центра Костромы. Что ж, время позволяло отказаться от оборонительных сооружений – государство окрепло, смуты окончились, чужеземцы до этих мест не доходили к тому моменту уже свыше полутора столетий.

Валы немного «унизили», а землю с них пустили на засыпание рва. Вот именно тогда-то и была запланирована здесь улица.

Строились люди сравнительно недолго – всего в течение 5-6 лет на свободных, расчищенных землях, как грибы после дождя, выросли дома, некоторые из которых мы видим и сегодня. Немного позже, четверть века спустя, земляной вал сделали ещё ниже, поверху «пустили» аллею, посадив деревья. Получился «маленький бульвар», на который ходила праздничная публика так же, как ходила под своды модных тогда торговых воротилевских рядов. «Бульвар», как называли его многие костромичи, справедливо полагая, что поскольку здесь гуляют, то так и надо произносить это слово, заканчивался беседкой. О, нет! Конечно же, не этой! Та, первая беседка, была деревянной, имела совершенно другой вид. И находилась-то она не здесь, где мы уже привыкли видеть её сегодня, а гораздо дальше, ближе к Волге. Бульвар-то был значительно длиннее! Но когда в 30-х годах XX века были построены железнодорожный мост через реку и новый вокзал, то

понадобилось проложить ветку, которая соединила бы все фабричные окраины. И последним предприятием, нуждавшимся в такой ветке, был, как на грех, расположенный совсем рядом мукомольный завод. Естественно, для прокладки путей несколько десятков метров земляного вала вместе с бульваром были скрыты. Тогда же снесли именно ту беседку, в которой так часто сиживал Островский. И вид оттуда был удивительный! В обе стороны Волга, делая поворот, открывалась на огромное расстояние. Дух захватывало от такого простора! Да и земляной вал, как и положено было ему, как крепостному сооружению, оканчивался у самой воды, так что Катерина...

А что – Катерина? Высокого обрыва, как сказано в пьесе, здесь никогда не было, два других города (не буду называть, чтобы не возгордились утоплением героини) оспаривают право называть себя прототипом, протопейзажем, протофоном великой драмы. Сомнительны доводы у всех, в том числе и у Костромы. Никак люди не могут принять право художника на вымысел, на обобщение!

Но судьба литературной героини, как ни хочется докопаться до её истоков, всё же волнует историков и краеведов меньше, чем действительно написанные здесь реальными людьми и рождённые костромскими реалиями выдающиеся произведения, о чём мы с вами поговорим, не уходя с улицы Чайковского.

В те времена, когда были в целости крепостные валы и по улице проходил глубокий ров, по другую сторону рва, примерно там, где сейчас стоит фурсовский дом соборного причта, находился острог, где содержались душегубы, висельники, разбойники-тати и прочие нехорошие люди. А рядом с острогом находилось лобное место, которое предназначалось... ну, вы знаете, для чего. И вот всем гостям города рассказывается история, произошедшая, вроде бы, в 1751 году и послужившая, спустя много лет, основой для известного в своё время романа писательницы Александры Кобяковой. Этот роман воистину стал прообразом сегодняшних телесериалов. Впрочем, убедитесь в этом сами. Сегодня мы будем присутствовать при финальных событиях этой истории, поэтому расскажем вкратце содержание предыдущих серий.

Итак. Красавица-дочь богатого купца полюбила бедного (конечно же, бедного – закон жанра!) рыбака Гришу и тайком встречается с ним.

На экране появляется титр: «А в это время...»

А в это время злодейка, местная сваха Лузиха, преследуя свои низменные и коварные цели, узнав о тайных свиданиях, рассказывает всё отцу красавицы Насти, и тот не замедлил нагреть в самый неподходящий момент. Порок наказан, дочь избита, возлюбленный бежит. Но демоническая Лузиха не так просто сработала стукачом, она, преследуя свою выгоду, предлагает купцу выдать дочь за пожилого, омерзительного в своей похотливой сути купца Живчикова. Отец рад. И грех будет замазан, и деловая сторона немаловажна...

На экране ещё раз появляется титр: «А в это время...»

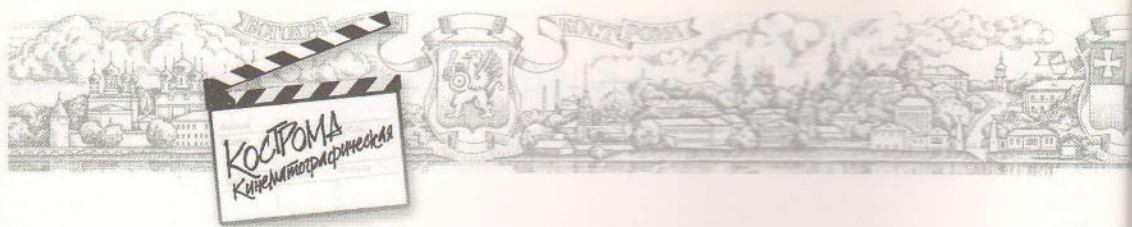
А в это время чудовище в женском обличье резко меняет планы. Обволакивая притворной лестью и фальшивыми улыбками бедную Настю, Лузиха обещает ей устроить тайный брак с её возлюбленным Гришей. Но в качестве платы за организационные расходы велит Насте собрать все драгоценности из дома, лживо утверждая, что эти деньги и драгоценности понадобятся Насте с Гришей на бегство и на жизнь в первое время.

Ах, какая ужасная судьба простёрла десницу над бедной Настенькой! Когда она принесла требуемое, Лузиха, ничтоже сумняшеся, удушила девицу подушкой, сев для верности на эту подушку сверху. Труп несчастной она вдвоём с племянником вывезла тайком в рощу за городом, да там и бросила в снег...

На экране в третий раз появляется титр: «А в это время...»

А в это время обезумевший от разлуки с любимой Гриша, как призрак, бродил по окраинам. И вдруг – о, ужас! Пред ним лежала Она! Упав на колени, рыбак пытался найти хоть какие-то признаки жизни, но тщетно! Смерть была неумолима. Гриша пытался унести труп, но, как ослабленная этикетом барышня, рухнул на землю без чувств. И тут очень вовремя подоспели стражи порядка. Дальше, как водится по сей день: осмотр места происшествия, безрезультатные, но и не очень настойчивые поиски свидетелей (а чего искать, когда убийца рядом лежит!) и водворение виновного во узилище.

И вот тут мы подошли к финалу этой душераздирающей истории. Хоронят убиенную Настю. Костромской люд толпами идёт прощаться, в тайной надежде на то, что убийца над гробом, как тогда среди убийцев было принято, признается в содеянном или как-то выдаст себя: ведь он-то, каин Гришка, в несознанку пошёл, не берёт на себя вину – и всё тут!

Но не дрогнул кудрявый рыбак, и над гробом любимой тоже не со-
знался. Зато когда в ряду других подошла Лузиха, струя крови брызнула
из уст Настеньки! Тут-то всё и открылось! Призналась она, подлая!

И вот последние строки романа Александры Кобяковой:

*« – Ведут! – И осуждённая, окружённая стражею, показалась на
валу. Она шла твёрдой и спокойной походкой. Сверх зелёного лудан-
ного сарафана и белой камчатной намётки, на которой ещё виднелись
капли Настиной крови, на Лузихе был надет полотняный саван. При
виде её все ахнули и отступили назад...*

*Секретарь откашлялся и звонким голосом, с расстановкою прочёл
приговор. Лузиха выслушала его спокойно, наклонила голову. По
окончании перекрестилась, приняла в обе руки пылающие пуки жёлтых
восковых свеч и начала кланяться на все стороны...*

*...палач... схватил её за руку, чтоб ввести на лесенку. Лузиха
перекрестилась и взошла вмиг. Накинуто было роковое ожерелье на
шею преступницы, палач потянул за другой конец веревки и отдал
лесенку. Лузиха, страшно захрапев, закачалась в воздухе.*

*Народ ахнул и отступил – и от ужаса, и от тесноты многие попа-
дали в ров.*

Казнь свершилась, и она была последняя в Костроме».

По окончании романа есть ещё и авторская приписка:

*«Всё здесь описанное – совершенная истина; в числе зрителей,
упавших в ров от ужаса, была моя прабабка, бывши ещё девочкою,
она тайно убежала из дома на позорище, и это происшествие так
глубоко врезалось в её память, что, доживши до старости, она со
всеми подробностями о нём рассказывала. Рассказ этот впоследствии
дошёл и до меня. А. Кобякова».*

Может быть, так оно и было, у нас, сегодняшних, нет оснований
сомневаться в словах писательницы. Но я, например, абсолютно
уверен в том, что в рассказе, дошедшем до Александры Кобяковой,
не могло быть столько сюжетных линий (в ироническом моём пере-
сказе сюжета нет и десятой доли того, что есть в романе), столько
подробностей, таких диалогов и т. д... То есть мы имеем дело с очень

давней историей, прошедшей через два поколения и дошедшей до автора в виде эдакого грустного исторического анекдота. Мол, бывали времена, бывали страсти... Одна злодейка девицу непорочную в грехе обвинила, а потом и вовсе жизни лишила. Вся Кострома об этом судачила...

Вот и вся суть. А остальное – авторский, писательский вымысел. Убеждает меня в этом и один случай. Мы неоднократно встречались с Виктором Сергеевичем Розовым. Выдающийся драматург всегда вспоминал о юности своей, проходившей в Костроме. И вот во время одной такой нашей встречи Виктор Сергеевич рассказал о трагическом эпизоде, происшедшем в те времена с людьми, которых он хорошо знал. Речь шла о Нюре Книжниковой.

– Во дворе, где мы жили, образовалась дружная и большая компания. Все мы были сверстниками. У меня есть даже снимок: наша женская волейбольная команда... Женская! Какая там женская, девчонки все они были, по 16-17 лет. Так вот самая маленькая, на левом фланге, – это и есть Нюра Книжникова. Была она рыженькой с золотистым таким отливом, с веснушками. Весёлая, скромная.

А случилось это в ночь на Первое Мая. Утром прибегает ко мне товарищ и говорит: «Нюру убили». А что произошло? За Нюрой ухаживал молодой человек, студент-первокурсник. И вот проводил он её до дома, там у них произошло какое-то бурное объяснение, и он ударил её ножом. Она побежала к дому, а он продолжал бить её ножом в спину. Уже умирая, она успела постучать с криком, выскочили из дома люди, а парень на глазах у них три раза ударил себя в грудь тем же ножом. Какой-то из этих ударов пришёлся в сердце...

Когда хоронили Нюру на несуществующем ныне кладбище, это только я да мои сверстники помнят – под каким деревом кто лежит, две траурные процессии встретились...

Что это было? Безумная любовь? Безумная страсть? Безумная ревность? Просто безумие? Кто знает...

Современник отсекает какие-то подробности или детали, в которых он сомневается, не надеясь на свою память. И спустя лишь каких-то шесть-семь десятков лет рассказ о событии, потрясшем Кострому, выглядит именно так, как прозвучал он у Розова. Но если бы он взял этот случай за основу или эта трагедия дала бы толчок к созданию новой пьесы, то рассказ, конечно же, выглядел бы совсем по-другому.

Конечно, роман Кобяковой – детище своего времени, когда писались сентиментальные романы со «стр-р-р-растями». Надеюсь, вы поняли, что многие из них, в том числе и произведение Кобяковой, будучи переложены на язык телеэкрана, стали бы сериалами, которые дали бы сто очков вперёд любому бразильскому. И имели бы массу почитателей-зрителей!

О Викторе Сергеевиче Розове я заговорил не случайно, потому что мы с вами уже дошли до того места, где от улицы Ильинской – Бульварной – Чайковского начинается улица Кооперации. Именно здесь, в самом начале этой улицы, в доме двухэтажном, деревянном под номером 3 и жил с родителями будущий выдающийся драматург.

Впрочем, до драматурга нужно было ещё дорасти. И он рос. Был подростком-школьником, учился в девятилетке № 4 имени Энгельса (нынешнее здание технологического университета на улице Дзержинского, бывшая гимназия), то есть совсем недалеко от дома. Потом зарабатывал рабочий стаж, был довольно популярным актёром в Костромском театре юного зрителя – на первых ролях... Но всё это прекрасно описывал он сам в своих мемуарах. Поэтому мне хотелось в наших разговорах зафиксировать на видеоплёнке то, что обычно не видно между книжных строк. Понимаете, в этом человеке была какая-то загадка. То ли от домашнего воспитания (он описывал случай, когда мама посылала его вдогонку мороженщице, которая по ошибке дала лишних три копейки сдачи; он вспоминал ситуацию с конфетами из кондитерской Боровского – ведь всё это воспитание!), то ли от особой стойкости к невзгодам он даже о своём кратком пребывании на фронте, о том, как чудом выжил после ранения, стал инвалидом на всю оставшуюся жизнь, говорил легко и вспоминал, в основном, не о мерзком лице войны, а о чём-то светлом.

В разговорах с ним о прожитых годах, в его устных рассказах о жизни провинциальной Костромы до 33-34-го года всегда присутствовала какая-то романтическая, розовая... да, именно так – с каламбуром – дымка, которая окутывала дома, улицы, людей. За всю свою долгую жизнь Розов так и не избавился от юношеской восторженности, к которой, впрочем, добавилась и мудрая, мягкая самоирония. Посмотрите, как это выглядело в записи нашего разговора. И обратите внимание: каждый эпизод – это маленький рассказ.

– Школа наша, четвёртая девятилетка, сгорела. Случился пожар, выгорел верхний этаж. Мы сбежались отовсюду, но нас, конечно, не

пускали. Беда, в общем. Ну, пришлось устраиваться как-то. Нас всех, кто учился наверху, перевели на первый этаж. А тут – весна, окна настезь! Солнце светит, кровь играет. И я от избытка чувств сиганул из окна прямо на газон. Ну, кувырнулся, конечно. И не заметил учительницу, которая шла как раз под окнами. И попал я ей прямо под ноги. Прыжок-то ещё, может быть, и простили бы, но я учительницу сбил с ног! Ужас! И меня исключили из школы. И не страх наказания подействовал на меня – меня никогда дома не наказывали, даже словами. Помню, мне лет 17 уже было, я почти всю ночь простоял у дома на Мясницкой, где жила девушка, в которую я был влюблён. Когда под утро вернулся, мама только сказала: «Витька, котлеты в печке, наверное, ещё тёплые, поешь»... Так что не наказания я боялся, а думал о том, что подвёл своих родителей, которые так хотели, чтобы я учился... И я плакал. Там же, на газоне, на Муравьёвке. А ещё – от обиды плакал: ведь солнце же, весна, ну как они не понимают!

Потом, конечно, дело открылось, опять меня родители даже не ругали, но как-то всё уладили.

А вот другой случай. Попозже это было. Дали нам задание: описать в сочинении один школьный день, который больше всего запомнился. Я написал. О том, как... горела школа, как мы, собравшиеся на пожар, радовались тому, что занятий долго не будет. Через день, проверив сочинения, учительница Евгения Николаевна принесла тетради и, потрясая именно моей, громко, на весь класс, сказала: «Вы знаете, что он написал?! О том, как школа горела! О том, как все радовались!» И... шлёпнула мне тетрадь на парту, добавив: «Молодец!» Я смотрел, открыв тетрадь, на оценку и ничего не понимал – там размашисто было написано: «Отлично». Вот эту оценку я не забуду никогда.

Таких психологических миниатюр Виктор Сергеевич рассказал мне много. Помню, сидели мы на бревне в «деревяшках», как ласково называют костромичи Музей деревянного зодчества. Вокруг кипел фольклорный праздник. Шёл фестиваль «Вехи» – самое яркое событие в культурной жизни Костромы за все последние два-три десятилетия. С ним могут тягаться только Дни славянской письменности, но они, всё же, были более заорганизованными, более официальными, а тогда, в дни «Вех», праздничная стихия словно выплеснулась на город, все дышали свободно, легко. Нашей съёмочной группе в кадр то и дело попадали эпизоды один лучше другого. В «деревяшках»

КОСТРОМА

самодеятельные певцы, плясуны, ансамбли словно соревновались друг с другом, неуёмный шарынец Саша Киселёв заливался соловьём на завалинке, обняв двух красавиц; совсем ещё маленькие девчонки из Согры водили хороводы и пели. Ах, как они пели! Спустя десять лет мне довелось делать фильм о них, уже выросших девицах-красавицах, разбежавшихся за своей судьбой – каждая в свою сторону, о последнем дне ансамбля «Светлица»... А тогда – кружилась, пела, плясала, смеялась, горланила частушки, раздирала мехи гармошек и баянов радостная стихия, Народ, Его Величество Народ!

И в этом вихре вдруг глаз обнаруживал невысокую фигуру старого уже человека, в сером незаметном плаще, с тихой радостью смотревшего вокруг, а глаза его светились молодо-молодо!

– Виктор Сергеевич! Хорошо вам?

– Ой, хорошо, Алексей, до чего же хорошо!

И вот сидим мы на брёвнышке, смотрим на кипящую свистопляску, и Розов, конечно же, говорит о детстве, о том, что уходит от нас со временем, – об эпохе, где было всё, хватало любых сложностей, даже трагедий. И всё же, и всё же! Радости, открытой радости, счастья было, кажется, больше. Может быть, потому что до этого народ-то почти и не видел его, счастья этого?

– С самого детства нас, каждого, окружало то, что мы видим сейчас вокруг, – это фольклор, это песни, пляски, частушки, которые с лёта запоминались нами. А главное – мы же не просто глазели! При случае все выходили в круг, все – плясуны! А пели-то как, без передыху, песню за песней. Это была наша жизнь. Или взять быт. Все вещи, которыми каждый из нас пользовался ежедневно, давно в музеях лежат: утюги чугунные, керосинки и прочие примусы... Сейчас сама игра на ложках – экзотика, а в моём детстве каждый это умел, и ребята даже соревновались во дворе. А это, знаешь, навык-то на всю жизнь. Мне дай сейчас пару ложечек звонких – могу показать: хоть об колено, хоть об пяtku...

Если взять творчество Виктора Сергеевича Розова в целом – все пьесы, все сценарии, то по большому счету окажется, что они все или почти все адресованы молодым и самым главным их проблемам. Вы только вспомните фильм по пьесе Розова «Шумный день», где состоялся дебют совсем юного актёра Олега Табакова. Ведь вся страна спорила и переживала за героев фильма. Не потому ли, что автор хорошо помнил свою костромскую юность?

— Мы все поголовно занимались спортом. Стадион был совсем рядом, он располагался на площадке перед Молочной горой, между Большими Мучными и Красными рядами, где сейчас сквер и новый памятник Сусанину. Помню, были соревнования, где участвовали Иваново, Рыбинск, Ярославль и, кажется, Владимир, точно не помню. Я выступал в беге на 100 метров, на 1500 метров и в прыжках в длину. Выступил. Вроде бы, неплохо. Но тут неожиданность — нужно бежать на пять тысяч метров, а Кострома не может выставить участника, не бегали мы такую дистанцию. И вот мне поручили бежать: мол, если полторы тысячи бегаешь, то и на пять побежишь. Я только одно условие поставил: дадите стакан сметаны — побегу. А время-то голодное было, все мы тощими были, многие просто падали в забегах, а я, к тому же, уже затратился на предыдущих дистанциях и прыжках, сил уже не осталось. Достали всё-таки сметану. Я побежал. Со стороны смотреть, наверно, цирк это был, потому что график бега я не представлял, мне важно было добежать и этим обозначить участие команды. Поэтому я на всякий случай берёг силы. А потом оказалось, что до финиша — всего двести метров. А силы-то остались! Вот я и припустил, как на стометровке. На трибуне — хохот и аплодисменты. Пока добежал, там уже юмористы второй раз, специально для меня, финишную ленточку натянули. Но главное всё же было достигнуто: и команда была представлена, и по времени мы оказались среди всех забегов не самыми худшими. Вот такой был у меня спортивный подвиг!

А ещё мы очень любили по праздникам ночные факельные шествия. Делалось всё очень просто: пустые консервные банки прибивались к палкам, забивались туго-натуго паклей, и в ту же банку наливался керосин. И шли по городу, змеёй извиваясь по улицам: освещения в городе почти не было...

* * *

Надеюсь, что вы уже догадались, почему мы идём от конца улицы к её началу, в сторону улицы Советской. Совершенно верно, мы идём, в основном, по времени — от времён древнейших в сторону наших. Ведь несмотря на то, что улица застроена почти в одно время, наш рассказ коснулся периода существования деревянного кремля и пришёл практически к XX веку. И если мы говорим о людях, связанных с литературой и искусством, культурой вообще, то не можем пройти

мимо фактов и событий, которые поведают нам о рождении в XIX и в начале XX века нового вида искусства – кинематографа, тем более что начало улицы Ильинской – Чайковского просто обязывает нас это сделать.

Итак, кино. Несмотря на сравнительно недавнее своё происхождение, несмотря на постоянное внимание прессы, литературы, широкой публики, кинематограф в своей истории известен ничуть не больше, если не меньше, чем другие виды искусств. Многие факты можно найти только в специальной, предназначенной для узкого круга читателей литературе. Поэтому давайте окунёмся в мир кинематографа.

Начнём с развенчания, казалось бы, азбучной истины. Спросите самых-самых знатоков: кто изобрёл кинематограф? На вас даже обидятся за глупый вопрос: ну, конечно же, братья Люмьер! Кто показал первый фильм? Братья Люмьер! Да и первые люмьеровские фильмы про политого поливальщика и прибытие поезда видели тоже многие, их часто показывают в исторических телепередачах. И всё же, несмотря на кажущуюся очевидность, дело обстояло совсем не так.

Для начала – об изобретениях, предшествовавших изобретению кино. Как-то само собой понятно, что до кино был фотоаппарат. Так вот известно ли вам, что человек, с которого начиналась история российской фотографии, несколько лет жил в Костроме, работал здесь землемером, потом увлёкся типографским делом и участвовал в создании губернской типографии? Александр Фёдорович Греков, сын небогатого дворянина, именно во время работы с типографией задумался над «светописью» (так слово «фотография» переводилось на русский язык), начал свои первые опыты и стал делать их подробные записи, которые позже оформились в первую в России книгу о фотографии. Француз Дагер сумел создать светом устойчивое изображение на пластине из серебра, и именно эта дата считается днём рождения фотографии (19 августа 1839 года). Греков, не зная деталей, через 5-6 месяцев получил более стойкое изображение на гораздо более дешёвом материале: на меди и на латуни. А самое главное – тогда же он начал опыты по закреплению отпечатков и на бумаге. Он добился своего и (наивная русская душа!) сообщил об этом (сам!) французским академиком. В результате – мировой приоритет за Францией, а Грекову достался утешительный приз – первым в России он применил фотографию в полиграфии. Он получил первые фотопортреты на бумаге, а уже к лету 1840 года даже организовал в Москве свой фотосалон.

Да, нужно ещё сказать, что Греков самостоятельно изобрёл фотоаппарат оригинальной конструкции и написал к нему пространную инструкцию, по сути первый в России учебник фотодела. Но... судьба охотница часто подстреливает тех, кто летит первым. Умер Греков в бедности и безвестности.

В 1891 году русский фотограф В. А. Дюбюк (родственную связь с костромскими Дюбюками мне не удалось установить, но она, почти наверняка, есть – фамилия-то редкая!) изобрёл фотоаппарат со съёмкой фаз движения. Это был прообраз кино. В том же 1891 году тот же В. А. Дюбюк изобрёл проекционный аппарат. Приблизились к кинематографу «хронографический аппарат» и «стереокинемограф» русского изобретателя И. Яновского, продемонстрировавшего своё детище в 1894 году. Это событие было подготовлено другими изобретениями. Русским фотографом И. В. Болдыревым в 1878-1881 годах была изобретена гибкая светочувствительная негорючая плёнка. Параллельно с Яновским работали другие изобретатели. В 1893 году русский механик И. А. Тимченко запатентовал устройство для прерывистого движения изобретённой Болдыревым пленки. Тот же Тимченко вместе с М. Ф. Фрейденбергом в том же 1893 году изобрёл «кинетоскоп». Тимченко впервые совместил проекцию на экран с прерывистой подачей изображения и оказался ближе всего к тому, что мы сегодня называем «кино».

Вы скажете, что предварить изобретение, близко к нему подойти – не значит изобрести. И вы будете правы. Но в те времена, как бы странно это ни звучало сегодня, был очень развит... промышленный шпионаж! Добровольные осведомители из разных стран сообщали по телеграфу обо всех новинках и деталях изобретений, сами изобретатели совершенно беззащитно пользовались промедлением своих зарубежных коллег и опережали их, запатентовав не своё, по сути, изобретение. Особенно хорошо знали патентоведение в США (тогда – САСШ), Франции, Англии. Даже Германия попадалась на крючок ловких конкурентов. Так произошло с изобретением, например, телефона. Считающийся его изобретателем Белл попросту запатентовал чужое изобретение, сделанное в Германии.

Та же история произошла и с созданием кинематографа. Немецкий изобретатель польского происхождения Макс Складановский, использовавший, кстати, упомянутые русские достижения, самым законным образом оформил патент на изобретение и на первый показ фильма. Произошло это 1 ноября 1895 года. Огюст и Луи Люмьеры

сделали то же самое 28 декабря 1895 года, то есть почти на два месяца позже! А кто сегодня знает о Складановском? Никто, кроме узких специалистов по истории кино...

Любмеры же вырвались вперёд в сознании миллионов людей и остались будто бы единственными изобретателями только благодаря умело организованной кампании по рекламе и быстрому разворачиванию сети предприятий для показа лент.

Но, так или иначе, кино начало шагать по планете.

Появившись в Костроме уже через год (!) после возникновения нового явления в виде ярмарочного аттракциона, пункты для показа лент были, по сути дела, не кинотеатрами, какими мы их представляем сегодня, а дощатыми балаганами, которые сносились сразу после окончания ярмарки. Но позже многие деловые люди сообразили, что этот самый «синематограф», «электротheater», «биоскоп» – дело перспективное, дело выгодное. Тем более, что и сами ленты совершенствовались. Это были уже не просто как бы подсмотренные сценки, в них появился сюжет, каждая «фильма», как тогда говорили, несла в себе уже что-то особенное: кино начинало предоставлять не только развлечение для скучающей публики, но и информацию. Эмоциональный ряд развивался от «ха-ха» и «ах!» до слёз, горя, сочувствия, волнения и т. д. Короче говоря, с развитием кино его стали смотреть не просто любопытствующие, а все поголовно. А это – денежный поток, который стоило прибрать к рукам.

И вот осенью 1910 года в Костроме открылся стационарный пункт проката кинофильмов. Точнее, это был не кинотеатр в чистом виде, потому что даже назывался он «Современный театр» и в его программах были не только кинофильмы. Здесь проводились тематические вечера, уже через год после открытия прошли гастроли знаменитого клоуна-дрессировщика Анатолия Дурова. Газета «Костромская жизнь» сообщала:

«Выступил А. Л. Дуров со своим обычным репертуаром, центр тяжести которого покоится на номерах, исполняемых дрессированными животными. ...гастролёр пел куплеты сатирического характера, и в заключение гипнотический сеанс, закончившийся демонстрацией мнемотехнических способностей дочери А. Л. Дурова...»

Но вот по части кино «Современный театр» имел очень чёткую программу, заявленную в «анонсной» афише. Предваряла афишу такая глубокая мысль:

«К разуму ведут три пути: 1) Путь знаний и опыта – это самый трудный. 2) Путь размышлений – благородный. 3) Путь поучительного и разумного развлечения – самый лёгкий».

И далее, как вывод из сказанного:

«Всё для развлечения публики! Самые лучшие сюжеты кинематографических картин последних выпусков. Научные картины. Мировые события на экране...» Сбоку, рядом с изображением «Современного театра» на афише был указан его адрес: «г. Кострома, уг. Кинешемской и Русиной (?) ул.».

Теперь вам понятно, почему мы так погрузились в мощное течение кино? Очень жаль, что «Современный театр» не сохранился. Это была довольно удачная работа архитектора Н. И. Горлицына в очень модном тогда стиле «модерн», и простоял кинотеатр довольно долго. Следуя балаганно-павильонной традиции, Горлицын, уже строивший балаганы на ярмарках, в том числе и для показа кино, сделал театр деревянным, потому что заказчику нужно было начать дело побыстрее, чтобы обойти конкурентов. Правда, дерево покрыли штукатуркой да так ловко, что все были убеждены в каменной вечности сооружения.

Здание было поистине архитектурным документом той эпохи. Но очень недалёковидные люди, если не сказать пожестче, снесли его, построив на его месте безликую и примитивную «стекляшку» – кафе «Веснянка», которое, кстати, тоже уже кануло в Лету...

В принципе, на этом можно было бы остановиться – ведь в любом городе когда-то был построен первый кинотеатр. В любом – да, но в Костроме эта кинотема звучит совсем по-иному, и мы с вами сейчас убедимся в этом.

Владельцем и создателем «Современного театра» был Михаил Семёнович Трофимов. Был он предпринимателем, подрядчиком-строителем, но... «Синема, синема, синема, – от тебя мы без ума!» – так пел Андрей Миронов в известном фильме, и строчка эта в полной мере относится к Трофимову. Первое же прикосновение к кино определило

всю его дальнейшую жизнь. Делового, хваткого мужика из костромского села Стрельниково кино поразило своими возможностями, он наглядно увидел, что это искусство (а оно постепенно становилось искусством) сильнее всего воздействует на людей, включает воображение. Когда началась Первая мировая война, из-за прервавшихся связей с зарубежными фирмами и студиями быстро стало развиваться русское кино. Одним из первых уловил конъюнктуру Трофимов и открыл в Москве свою русскую киностудию или, как тогда называли, «кинофабрику», став, таким образом, уже не прокатчиком, а производителем кинофильмов. Это была студия, не имевшая иностранных капиталовложений. Как-то видел я предреволюционный список кинопредприятий г. Москвы. Среди известных имён и названий (Ханжонков, Дранков, «Гомон», Амброзио, Патэ) значилось и товарищество «Русь» М. Трофимова и компании, находившееся на Тверской улице, в Леонтьевом переулке. Был указан и телефон – 4-71-31...

Михаил Трофимов

От «Современного театра» к Волге шёл да и сейчас почти так же идёт бульвар – да, да, тот самый бывший крепостной вал. Так вот, если вспомнить, что первые шаги кино, как принято считать, были сделаны в «Гранд кафе» на бульваре Капуцинов в Париже, то с некоторой долей юмора можно сказать, что российское кино начиналось тоже с бульвара, но на Ильинской улице.

Однако Михаил Семёнович «отметился» в Костроме и другим, пожалуй, более важным для истории образом. Начав производство фильмов русской тематики в Москве, он, естественно, свой первый фильм поехал снимать в родную Кострому.

Вот так открывалась новая эпоха в истории Костромы. Город начал выступать в роли съёмочной площадки. В 1995 году, когда отмечалось столетие кино, мы с Борисом Николаевичем Негорюхиным решили отметить юбилей специальной телепрограммой. Уж так получилось, что три человека из съёмочной группы имели какое-то отношение к кино: Негорюхин в качестве типажного актёра участвовал в съёмках нескольких фильмов, режиссёр Александр Ерин тоже был одно время

дом-
он
лось
ра-
жся
ться
от-
али,
риз-
ных

киноактёром и тоже снимался, а я когда-то учился на сценарном факультете Всесоюзного Государственного института кинематографии. И вот мы втроём пытались вспомнить фильмы, снимавшиеся в Костроме. Перечисляли, перечисляли... Где-то на четвёртом десятке сбивались. Позже я уже встретил мнение, что таких фильмов, где фоном действия была хотя бы в эпизоде Кострома, более шести десятков, причём, не только советско-русских, но и венгерских, итальянских, немецких... И ещё одна характерная деталь: среди этих фильмов нам удалось вспомнить лишь один, где фигурировали бы современные реалии Костромы. Это фильм «Убегающий август» с пляжем, автопешеходным мостом, с главным

«Современный театр» Трофимова

героем, бродящим по залам художественного музея и вглядывающимся в картины Ефима Честнякова. Может, кто-то вспомнит другие фильмы, но одно ясно — таких фильмов считанные единицы, подавляющее большинство же — преданья старины глубокой. Или не очень глубокой.

А ведь рождались в Костроме мировые шедевры кино! Не делайте круглых удивлённых глаз, я с полным основанием говорю это, стоя вместе с вами на улице Чайковского, бывшей Ильинской. Впрочем, нужно чуть-чуть уточнить: мировые шедевры театра и кино. И после этого вы, надеюсь, уже понимаете, что речь идёт о потрясшем человечество фильме «Летят журавли» и пьесе «Вечно живые», по которой фильм этот был сделан. Пьеса писалась именно здесь, на углу улиц Чайковского и Кооперации, в доме, где рос, жил в 20-е годы Виктор Сергеевич Розов. После тяжёлого ранения, выжив, он долечивался здесь и начинал штурмовать Парнас. Сам он часто и подробно вспоминал об этом, охотно говорил многим, в том числе и мне, о том периоде своей жизни, который был, по всей вероятности,

тим,
ство
вый
начал
лось
или
сь,
е к
ках
емя

очень важным для него, для становления его как писателя-драматурга. Хотя... Я вспоминаю ещё одну мысль знаменитого драматурга, которая сводилась к тому, что никто и никогда не может установить, с чего что-то начиналось, всегда есть долгая предыстория. Вот и с кино у Розова то же самое. Начинал, вроде бы, уже достаточно взрослым человеком, а начало крылось куда раньше – в детстве. Вот несколько строк из книги воспоминаний:

«В те же двадцатые годы сколько кинофильмов я пересмотрел! Практически видел все знаменитые ленты великого немого кино – и наши, и иностранные. И кинотеатров-то в Костроме было всего два: «Пале» и «Современник». Но названия фильмов мелькали с быстротой кадров. Каждый фильм шёл только три дня. «Спешите видеть!» И всё, что производил мировой кинематограф тех лет, с необычайной быстротой появлялось на костромском экране. Мне даже и сейчас непонятно, как это делалось. Ну, наши, советские, я ещё понимаю – привезли из Москвы, всего полсуток езды на поезде. Но из Америки! И с Мери Пикфорд, и с Дугласом Фербенксом, и с Вильямом Хартом, и с Бестером Китонем, и из других стран – Пола Негри, Гарри Пиль, Мацист, Чарли Чаплин, Пат и Паташон, Гарольд Ллойд, Аста Нильсен, Эмиль Янингс... Да разве можно перечислить всех кумиров тех лет! И наши звёзды, ничем не уступавшие заграничным: Ната Вачнадзе, Малиновская, Ильинский, Кторов, Баталов... Костромские мальчишки были великолепными знатоками мирового кино! Мы же старались не пропустить ни одного фильма».

Пьеса «Вечно живые», написанная в Костроме военных лет и поставленная на сцене намного позже, обернулась сценарием фильма, триумфально прошедшего по всем экранам мира. Фильм «Летят журавли», единственный за всю историю советского кино, получил «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля и ещё много других почётных наград. Кстати, драматург и автор сценария Виктор Розов не был приглашён на фестиваль, и даже потом этой золотой ветви он никогда не увидел и не держал её в руках... Сейчас его журавли, увы, вечно летят над ним, вечно живым...

Дом Розовых был всё же не на Ильинской, а рядом. Но непосредственно с Ильинской улицей связан был такой факт биографии Виктора Сергеевича: в те военные годы, когда он долечивался в Костроме и

рга.
рая
него
но у
слым
лько

вел!
— и
два:
стро-
еть!»
ной
час
до —
ики!
ом,
иль,
сен,
лет!
дзе,
шки
ь не

по-
иль-
етят
учил
лугих
зов
и он
вли,

ред-
гора
ме и

из него постепенно вылезало железо, которым он был напичкан, он писал скетчи для концертной бригады при Костромском Доме офицеров, сам, как актёр, участвовал в поездках... Но когда бывали свободные вечера, он шёл в кинотеатр «Пале». Там перед сеансами не музыка играла, не песни пели, как тогда было принято, а совершенно безо всякой платы Виктор Розов читал стихи. Как он сам потом, спустя много лет, написал: «...не читал — пел как птица.

Стихов я знал множество — и классических, и современных. И никто мне репертуара не утверждал. Читал то, чем хотелось поделиться с другими. И без цели. Просто хотелось, и всё. Даже получил однажды комплимент от одного весьма уважаемого человека, который остановил меня на улице и сказал: «А вы знаете, я хожу в кино специально вас слушать». Ах ты, милый человек, как ты меня погладил по душе!»

